

КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЖУРНАЛИСТСКОЙ КРИТИКЕ ВЛАСТИ

После десятилетий советского однообразия журналистских текстов, поддерживающих деятельность политической власти, начиная с середины 80-х годов в России появилось явление, которое можно объяснить усложнением политической системы и востребованностью политической информации в обществе. Это различные позиции прессы в легитимации властных решений, оценке того или иного политика.

Тогда, в период перестройки, политическая и творческая позиции журналистов объяснялись расширением информационного поля за счет увеличения источников информации. Раскрывали свои тайны архивы, переводились некогда закрытые для широкого читателя зарубежные авторы. «Посев» — название этого журнала шепотом произносилось интеллигенцией — лежал на прилавках уличных торговцев. В ту пору появились газетчики, открыто критикующие власть, коммунистическую партию — небывалое за десятки лет явление.

Вряд ли кто в России будет оспаривать аксиому: критика в СМИ необходима для общества, создающего фундамент демократии. Но в обилии негатива, получаемого аудиторией, иногда нетрудно заметить некий перебор. Недаром после известного пожара на Останкинской телебашне в августе 2000 года в Россию срочно приехал известный американский журналист, и одним из его первых вопросов был вопрос: «У вас, случайно, не революция?». Это пример реакции западного мира на то, что и как демонстрировалось в России и транслировалось за рубеж. Только в Интернете размещено несколько сотен информационных сообщений, посвященных данному событию.

В российских СМИ формируется новая, отличающаяся от существовавшей десятилетия назад модель демонстрации негативного в обществе. Прежде всего журналистская критика развивается в благоприятной внешней среде.

Чтобы объяснить этот феномен, на наш взгляд, необходимо рассматривать его в рамках западной критической теории, возникшей во второй половине XX века. Виднейшими представителями этого направления являются Г. Маркузе, Т. Шрайер, Д. Фридман и др. Их исследования — попытка обосновать новые, более рациональные подходы к исследованию развития общества.

Несмотря на некоторые спорные положения представителей критической школы, есть в их теориях суждения, применимые к оценке нынешнего положения в российском обществе и средствах массовой информации. Так, по их мнению, в

современном мире на смену подавлению, производимому экономической эксплуатацией, приходит другая парадигма — рациональность, цель которой — служение силам господства, а не освобождение людей от них, поиск рациональных действий¹. Здесь следует уточнить: рациональными выглядят действия с точки зрения субъектов политических отношений.

Повод для критики российских властных структур мог бы быть существенным: в начале реформ правительство брало на себя заведомо невыполнимые обязательства — за несколько лет сформировать рыночные отношения и повысить жизненный уровень россиян. Затем появились другие обещания — по сдерживанию инфляции, стабилизации рубля и других экономических показателей. Забытые политические заверения лишь обостряли и обостряют отношения между властью и обществом, властью и новыми собственниками.

Следует предположить, что в критике властных структур, делавших ошибки, было заинтересовано прежде всего нарождающееся сословие собственников. Оно страдало от слабых, половинчатых экономических реформ. Оно столкнулось с проблемой, которую вряд ли кто решал в предыдущие столетия, а именно: со сменой одного строя должно измениться отношение к труду членов общества, причем в короткое время. Новые хозяева требовали от подчиненных большей интенсивности в работе, уважения к своему статусу. Появились новые требования к дисциплине. Изменению трудового поведения плохо способствовала безработица, сменившая существовавший при социализме избыток трудовой силы. В России действовал устаревший КЗоТ, не учитывающий новые реалии.

Несовпадение имеющихся в обществе ценностей с желаемыми для реформаторов создает основы критического восприятия населением перемен, а также усвоения им критических материалов СМИ. Социологи в начале реформ фиксировали медленное изменение ценностей постсоветского человека. Те же исследования показали, что для него не стали родными понятия «рынок», «реформа», «обновление». Они не видели большого смысла в словах «успех», «карьера», «активность», и «профессионализм» также не стал приоритетом².

Активность журналистской критики создавала иллюзию мощи и оппозиционности «четвертой власти». На деле все оказалось прозаичнее. В исследовании общественного мнения, проведенном Институтом экономических проблем переходного периода в начале 90-х годов, отмечалось поведение журналистов, которые поддерживали курс правительства и в то же время скептически относились почти к каждому предпринятому им шагу. Получился двойной стандарт, которого часть российских журналистов придерживается и сегодня. Мнение прессы не соответствовало мнению большинства, такое же поведение отмечалось лишь у 10 % населения³.

Критика в российской журналистике соответствовала принципам рациональности в политике. Суть ее в том, что средства массовой информации косвенно защищали политическую власть. На то есть следующие обоснования:

1. Следует предположить, что отношение журналистов к результатам реформ — своеобразная защита властных структур от разрушительного гнева граждан. В ка-

честве защитников власти выступали и выступают новые собственники, причем следует заметить: перевод стрелок критики осуществляют другие хозяева — хозяева средств массовой информации.

Для журналистов и собственников СМИ конструируется российское законодательство. В нем немало западных стандартов. Так, провозглашение свободы слова — в русле западных принципов демократии. В России — это отражают данные социологических опросов — сами журналисты скептически относились и относятся к аналогичному понятию «четвертая власть», таким образом позиционировав свое положение в социальной иерархии. На вопрос: «Считают ли власти, что определение “четвертая власть” отражает действительную роль СМИ в нашем обществе?» утвердительно ответили 17,5 % опрошенных работников СМИ, преувеличением его считают 56,5 %, считают, что оно звучит издевкой — 21 %⁴.

Провозглашенная неприемлемость цензуры политической обернулось другой, более жесткой — со стороны редакторов и издателей. Неудобный для них текст, телерадиоматериал может пролежать в начальственных столах длительное время, пока потеряет актуальность. И в России за полтора десятилетия нет ни одного гражданского дела по подобному явлению. Это ли не победа нового сословия? О пользе для новых собственников законодательного положения о защите от вторжения журналистов в личную жизнь и говорить не приходится.

2. Критика политической власти в СМИ — это один из эффективных и рациональных, с точки зрения бизнеса, методов контроля за неудобными новому сословию политиками. О том, что такое возможно на практике, россияне узнали в конце 90-х, когда Б. Березовский руководил кампанией против Примакова и Лужкова.

3. В ходе журналистских критических кампаний осуществляется рациональный подход: вовлечение в легитимационный процесс пластов «информации, содержащей некачественную критику политической власти», и «информации, содержащей качественную критику политической власти». Иногда в журналистском творчестве происходит смешение этих двух пластов. На наш взгляд, эти вводимые в континуум понятия позволяют изучать механизм конструирования критики социальными институтами, их реагирование на журналистские тексты.

Причем «Информация в СМИ, содержащая некачественную критику политической власти», как правило, содержит непроверенные факты, информацию, незаслуженно оскорбляющую достоинство работников властных структур. Порой для сбора фактов используются сомнительные источники, а то и просто сочинительство. Иногда кажется, что журналисты в пух и прах разносят тот или иной закон, постановление правительства, не зная их содержания. Как ни странно, но подобное с интересом воспринимается аудиторией. Однако некачественная информация, содержащая критику политической власти, создает посторонний фон для восприятия действий правительства. В ней трудно найти правду, не зная истины.

«Информация в СМИ, содержащая качественную критику политической власти» является основой для легитимационного или делегитимационного процесса. Это, в первую очередь, то, что можно проверить журналистскими методами, научными методиками.

Где же российские журналисты черпают информационные поводы для своих критических выступлений? На наш взгляд, сегодня создается целая информационная система, чутко реагирующая на запросы прессы, включающая:

1. Интернет — неиссякаемый источник легитимационной и делегитимационной информации. Ведущие зарубежные и отечественные печатные СМИ, телерадиокомпании мира, сетевые газеты каждый день выносят на сайты для обсуждения свои наиболее сенсационные тексты.

2. Информацию коллег-журналистов. Сенсации, опубликованные или озвученные в одних отечественных СМИ, как правило, через некоторое время подхватываются творческим сообществом. Это свидетельствует не только о некой согласованности действий, поддержке, но и о застарелой болезни журналистов — плагиате.

3. Информацию, полученную во время пресс-конференций партий, политиков.

4. Информацию зарубежных фондов, занимающихся исследованием процессов на российском политическом и экономическом пространстве. Когда-то существовало правило: чтобы опубликовать в газете сенсационный материал, особенно из-за рубежа, надо было ждать подтверждения событий со стороны других информационных агентств. Как ни странно, но часть российских СМИ информацию, подаваемую иностранными источниками, почти без поправок, без критического анализа подают в эфир или выносят на газетные, журнальные полосы. В октябре 2005 года многие отечественные СМИ перепечатали или озвучили доклад международной организации Transparency International «Рейтинг восприятия коррупции — 2005». Согласно анализу ее специалистов, по коррупции наша страна заняла 128-е место в мире. Этому факту известный журналист В. Познер даже отвел значительную часть времени своей передачи «Времена». По сути, получилась PR-акция негативного явления в национальных масштабах, словно чья-то невидимая, но мощная рука руководила информационной кампанией. Сведения, обнародованные зарубежным фондом, усиленные российскими СМИ, по времени «удачно» совпали с российскими громкими делами: бывшего министра Адамова, обвиняемого в присвоении средств, арестом взяточников из числа высокопоставленных чиновников. Это лишь увеличило эффект восприятия информации аудиторией, однако вряд ли способствовало искоренению коррупции.

На наш взгляд, это признак непрофессионального журналистского подхода к огромному количеству материалов, в которых критикуется Россия. Лишь Газета.ру предоставила слово руководителю экспертно-аналитического отдела «ИМА-консалтинг» А. Вильде. Он подверг критике исследование о коррупции в нашей стране, обратив внимание на политические акценты, а также на отсутствие в документе методики изучения. Таким образом, приняв некачественную критику России со стороны различных зарубежных фондов как должное, российская журналистика втягивается в информационную войну с далеко идущими целями.

Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое можно назвать слабым государственным пиаром. Поводов для защиты Отечества от несправедливых информационных нападков со стороны других государств предостаточно. Взять хотя бы газовую войну

с Украиной. Несмотря на объективность российских претензий, западные страны приняли сторону наших соседей. Причина такой позиции в том, что с нашей стороны основными участниками спора были руководители Газпрома, тогда как Украина вовлекла в дискуссию почти весь Совет министров и президента.

К справедливой критике, содержащей проверенные или научно доказанные факты, и власть, и журналисты должны относиться как к поводу для системных изменений. Показательным выглядит освещение в январе 2006 года событий в челябинском танковом училище об издевательствах над солдатом срочной службы. Громкими выглядели заявления руководителей Минобороны о наказании виновных, о возбуждении уголовных дел против рядовых и офицеров. О реакции общества можно судить не только по единодушию прессы — в Москве и ряде других городов состоялись митинги протеста против сложившейся ситуации в армии. В ряде частей произошли самоубийства солдат срочной службы.

Стоит заметить, что тему дедовщины российские журналисты поднимают с конца 80-х годов прошлого столетия. Тогда в ряде армейских газет даже прозвучали призывы со стороны офицерского состава не трогать сложившиеся устои. Оказалось, что дедовщина помогает контролировать дисциплину в частях. Механизм до удивления прост: старослужащие держат в ежовых рукавицах новобранцев, т. е. комсостав попросту сбрасывает на них часть своей работы. И с тех пор в казармах почти ничего не изменилось.

Коммуникации, затрагивающие интересы политической власти, могут быть использованы заинтересованной стороной в качестве составных в технологии «промывания мозгов». Эта процедура связана с целенаправленным информационным воздействием на население с целью изменить ценности, потребности, а следовательно, поведение людей. Следует предположить, что события в челябинском танковом институте лишь усилили негативное восприятие населением армейской жизни.

Не менее важной является позиция субъекта политических отношений — журналистики — к различного рода стратегическим, как правило, негативным прогнозам в отношении России. Сегодня они стали своего рода лакмусовой бумажкой, по которой можно судить о позиции Запада по отношению к нашей стране. В большинстве своем отечественные СМИ публикуют или озвучивают «пророчества» не полностью, а выборочно, зачастую вне контекста.

Нетрудно заметить, что почти все негативные западные прогнозы в отношении России строятся на отечественных источниках, в первую очередь заимствованных из СМИ, исследований, опубликованных в открытых источниках, в том числе Интернете, а также на основе работ, написанных по зарубежным грантам. Так, неоднократно цитируемый российскими журналистами прогноз З. Бжезинского о распаде страны — всего лишь ремейк статей русских философов-эмигрантов, в частности Г. Федотова.

Другой информационный пласт также привлекает внимание российского журналистского сообщества — речь идет об анализах экономической ситуации в стране. Как правило, они подаются в виде сенсации — в обществе они воспринимаются

как угроза национальной безопасности. Россияне, пережившие распад государства и связанные с этим личные, семейные трагедии, настороженно относятся к подобного рода информации. Об их качестве могут говорить лишь экономисты, так как они основаны на различных методиках. Отсюда разночтения в отчетах Федерального агентства по статистике, Международного валютного фонда, Европейского банка реконструкции и развития и даже ЦРУ. Критическое восприятие этих публикаций требует определенных знаний и навыков со стороны журналистов массовых изданий, телевидения и радио. Критика их существует, но на страницах специализированных журналов и газет, куда журналисты даже не заглядывают.

Показательно, что средства массовой информации, которые публикуют некачественную критику политической власти, используют агрессивные методы при расширении своего влияния. Это в первую очередь касается маргинальной части отечественной журналистики, «желтой прессы». Подспорьем для расширения пространства информации, содержащей некачественную критику политической власти, являются негативные последствия трансформации общества, которые привели к изменениям в отечественной культуре. Элитарная ее составляющая стала активно вытесняться массовой, рассчитанной на непритворного потребителя, порой не желающего задумываться над процессами, происходящими в обществе, стремящегося получать готовые информационные продукты с соответствующими выводами и анализом. У журналистов, обслуживающих такую аудиторию, высок уровень мотивации при восприятии элементов массовой культуры, потому что сами они не умеют или не желают погружаться в поиски истины.

По всей видимости, именно массовая культура вытеснила из журналистской практики авторские, по сути относящиеся к элитарной составляющей материалы — очерки, фельетоны, то, на чем основывался профессиональный уровень редакций. Вместо очеркистов, фельетонистов, объективно критиковавших политическую власть, появился особый слой творческих работников — колумнисты. Это не всегда журналисты, ими могут быть представители истеблишмента, имеющие свою колонку в газете или журнале. Темы выступлений подсказывает сама жизнь. О популярности же редакции судят по рейтингу — по тому, сколько пользователей Интернета посетили данный сайт. Не думаем, что это удачный выход из ситуации.

На публикацию непроверенных, но «звучных» сенсаций влияет конкуренция в СМИ — явление из экономической теории. У любого журналистского коллектива есть два пути быть впереди других. Во-первых, регулярно повышать профессиональный уровень, стремиться к творческому совершенству — это добросовестная конкуренция. Во-вторых, использовать методы недобросовестной конкуренции, в том числе публиковать или озвучивать некачественную критику власти.

Для добросовестной конкуренции в журналистике, как и в любой другой системе, связанной с рыночными отношениями, требуются более значительные ресурсы, нежели для недобросовестной, т. е. следует предположить, что в формирующейся системе российской журналистики при дефиците финансовых и кадровых ресурсов все больше будут использоваться методы недобросовестной конкуренции.

Формирование конструктивной, качественной критики в российской журналистике — сложный многовекторный процесс. Он проходит в рамках длительного процесса государственной трансформации вместе с развитием властных структур, отечественной журналистики в целом, вместе с процессом развития гражданского общества, когда большинство россиян будут воспринимать критику не как сенсацию, а сигнал к изменению политических отношений. В этом мы видим путь к самосовершенствованию.

Вместе с формированием конструктивной критики в журналистике необходимо создавать механизм реагирования на критику со стороны политической власти — это одно из условий совершенствования государственного управления. Сегодня она попросту не обращает внимания на публикации и выступления в телерадиоэфире, рассказывающие о проблемах функционирования власти, реакцию на это со стороны общества. Между тем в российских властных структурах ведется изучение критических данных, как было с докладом Уолкера в ООН в октябре 2005 года, который был основан на фальшивых документах о нарушениях иракского договора «Нефть в обмен на продукты». Реакция власти понятна: были затронуты высокие российские политики, широкими оказались масштабы реакции мировой общественности. Комментарии относительно недобросовестных доказательств Уолкера пришлось делать министру иностранных дел Лаврову⁵.

На наш взгляд, через некоторое время в журналистике появятся влиятельные и компетентные авторы, которые будут специализироваться на критике политической власти. Они должны быть известны и уважаемы в обществе. К их голосу будут прислушиваться во властных структурах. Россия переходит в следующую стадию развития демократических отношений. Ушли в прошлое времена, когда эффективность журналистского творчества оценивалась по отчетам о количестве критических материалов, об откликах и принятых мерах на выступления. Обилие критических материалов в современных СМИ вызывает другой эффект: если общество видит, что после острых публикаций власть молчит и ничего не делается для исправления недостатков, тогда возникает кризис недоверия к власти и журналистике.

Реформаторы свое невнимание к микросреде, в том числе к критическим материалам в СМИ, оправдывали решением глобальных проблем в макроэкономике. Сегодня это вряд ли кого-то удовлетворит⁶.

¹ См.: Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 169–171.

² См.: Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997. М., 1998. С. 998.

³ См.: Там же. С. 938.

⁴ См.: Позиции исследователя // Четвертая власть. 1996. № 2. С. 31.

⁵ См.: МИД РФ: документы, которыми пользовалась комиссия Уолкера по Ираку, были поддельными: [Электрон. ресурс]. Режим доступа: russiancleveland.com/common/arc/storu.php

⁶ Экономика переходного периода. С. 159–194.